

Юлия Шумова
По волнам инклюзии

Юлия Шумова

По волнам инклюзии

«Издательские решения»

Шумова Ю.

По волнам инклюзии / Ю. Шумова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983493-5

Книга «По волнам инклюзии» включает в себя серию рассказов, написанных на морскую тематику, где судьбы людей с ограниченными возможностями здоровья тесно связаны с яхтингом, приключениями и безбрежной любовью к авантюрной жизни. Некоторые миниатюры подарены Александром Шумовым, обложка книги выполнена по технике «Живопись слепых» на одном из перфомансов Бориса Хохонова.

ISBN 978-5-44-983493-5

© Шумова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Дракар Петрович	6
На вёслах по армянскому морю	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

По волнам инклюзии

Юлия Шумова

Редактор Маргарита Дмитриевна Мельникова

Дизайнер обложки Борис Викторович Хохонов

Фотограф Александр Владимирович Шумов

Корректор Александр Владимирович Шумов

© Юлия Шумова, 2020

© Борис Викторович Хохонов, дизайн обложки, 2020

© Александр Владимирович Шумов, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-3493-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дракар Петрович

Летом 2017 года мы, скромная компания яхтсменов, расположились палаточным лагерем на крутом берегу озера Большой Кисегач. Среди нас была довольно примечательная личность – Александр Петрович – человек с военным прошлым и соответствующими манерами: громким командным голосом и привычкой к четкой субординации. Спорить он не любил: как скажет, так и будет, никто не смел перечить. Выйдя на пенсию, он всерьез увлекся парусными судами и своими руками смастерил дракар – корабль викингов, в переводе с древнескандинавского буквально «корабль-дракон». Дракар Александра Петровича изначально был куплен и поставлен на учет как двенадцатиместный надувной катамаран. Но после того, как над ним своими золотыми руками поколдовал Александр Петрович, судно оказалось на себя не похоже – неизменным осталось лишь официальное наименование в паспорте плавсредства да поплавки, которых всё равно не видно. На надувном катамаране Александр Петрович постелил фанерную палубу, оборудовал его сиденьями, между поплавками устроил маленький трюм, приходившийся очень кстати во время дальних походов. Кроме того, катамаран, ныне дракар, был снабжен мачтой с традиционным полосатым чёрно-синим парусом викингов и необычным для таких транспортных средств бензиновым двигателем «Меркурий», к которому Александр Петрович, умелый кузнец и сварщик, приладил водомётное кольцо для защиты лопастей от камней на мелководье и увеличения маневренных характеристик судна. Появились в арсенале и пять пар вёсел. Получился этакий парусно-гребно-моторный гибрид. В сложенном состоянии дракар помещался в обычный автомобильный прицеп, на сборку-разборку уходило два часа. Добрая половина рассказов Александра Петровича была о его любимом детище – дракарушке. Мастер разговаривал со своим творением, словно с человеком: хвалил или, напротив, выговаривал за строптивость. С чьей-то лёгкой руки нашего судостроителя мы в шутку так и прозвали – Дракаром Петровичем.

Загруженный в прицеп, дракар следовал за тюнингованным запорожцем, у которого от исходной комплектации остался один лишь кузов. Этот автомобиль был ещё одним детищем и гордостью Александра Петровича. Внутри – усиленный каркас безопасности, а значит, можно было переворачиваться без особого риска для жизни; трансмиссия вся от УАЗа, дорожный просвет тоже, благодаря чему подножка находилась на высоте полуметра, а довершала картину наклейка «Клуб каскадеров России» на заднем стекле.

– Давайте, ребята, живее грузитесь, – частенько командовал Дракар Петрович, – опоздавших оставляем за бортом.

Делать нечего, приходилось шустро запрыгивать на высокую подножку гибрида, а то, глядишь, чего доброго и впрямь оставит. Наш друг не любил нерасторопных, наделял их разными прозвищами. А тех, кто не поспевал за стремительным полётом его мысли, вовсе заносил в чёрный список и никогда больше не брал с собой.

Дракар Петрович – большой любитель всяческих интересных историй и анекдотов. Правда, иногда он забывал, что уже рассказывал нам ту или иную байку, и терпеть не мог, когда мы его останавливали: мол, слышали уже, не повторяйтесь! А потому, чтобы не обидеть нашего викинга, мы хохотали до колик, даже когда было не очень смешно. Кто-то из наших, дабы подчеркнуть, как ему весело, артистично тарашил глаза и колотил себя по ляжкам, падая на спину. Тут даже Дракар Петрович, тот ещё несмеяна, принимался хохотать, приговаривая:

– Вот чудак человек! Вон как его шарашит!

– Александр Петрович, – сквозь смех спрашивали мы, – а что такое «шарашит»?

– «Шарашит», – отсмеявшись отвечал он, – это тоже самое, что «жучит», ну, как повашему будет... во! «Колбасит» или «плющит», – и новый ураган смеха проносился над водной гладью. Наш друг был охоч до изобретения собственных слов. Придумает, а потом искренне удивляется, когда мы спрашиваем: «Что это значит?»

– Эх, вы, головушки маринованные!

– Александр Петрович, а почему «маринованные»?

– Ну вот-те раз, – с досадой сплевывал Дракар Петрович, – говорю же, маринованные!

Место стоянки искали долго. Дракару Петровичу, взявшему на себя командование походом, всё время что-то не нравилось: то берег крутой, то камыш густой, то хомячьи норы повсюду. После тщательного прочесывания берега и тряски на самодельном автомобиле Дракара Петровича, все здорово утомились и проголодались. Пару раз мы уже чуть было вещи не разложили, получив команду «Стоим здесь», но через считанные минуты следовала новая команда «Отряд, снимайсь!» и мы опять шли или ехали. Удивительно, но никто не роптал: мы относились к ситуации с пониманием, так как знали, что начальник похода выбирает место, где будет удобно всем.

Но вот, наконец, идеальное место найдено. Правда, идеальное прежде всего для стоянки Дракарушки, а мы раскинули палаточный лагерь в тени камыша, на изрытой землеройками почве – возражать никто не стал. Ещё куда-то тащиться? Ну уж нет! Хотя мы и стояли на твердой земле, в ушах продолжал тарыхтеть мотор нашего транспортного средства. Мы радостно принялись вытряхивать содержимое из рюкзаков. Поставили палатки и взялись за приготовление обеда.

Под вечер раздались первые раскаты грома.

– Надо в магазин за пряниками съездить, – предложила Ольга – одна из наших туристок. Остальные промолчали, но та настаивала. Я не очень любила эту капризную и подчас сумасбродную даму. Мне было хорошо известно правило: все едят из одного котла, и докучать другим своими прихотями не стоит. Я собралась было как следует остудить пыл сладёны, дескать, раз уж не можешь ни дня без пряников,хватила бы с собой килограммчик, когда в разговор неожиданно вмешался мой супруг Саша.

– Давайте, мы с Юлей пешком сбегает до ближайшей деревни! Тут километра три от силы.

– Ага, километра три, – взревел Дракар Петрович, – отставить! Будем держаться вместе, чтобы нас враг не одолел! Сейчас дождь пройдет, и все вместе на дракаре сходим.

Константин, один из наших яхтсменов, достал GPS-навигатор:

– Александр Петрович, и впрямь тут действительно недалеко деревня Коло Колёнки, километр да сто метров, если по суше, а на Дракаре нам вон тот мыс огибать, так все пять выйдут.

– Константин, смирно! Во-первых, отставить гаджеты! Во-вторых, как, говоришь, деревня называется? Какие коленки?

– Коло Колёнки, – повторил Константин.

– Прочитай внимательней.

Костя уткнулся в свой прибор, пошамкал губами:

– Коло Колёнки, всё верно.

– Э, брат, может всё-таки Колоко́ленки?

– Нет, совершенно точно, Коло Колёнки.

– Да уж, не зря тебя Константином назвали, констант – значит, постоянный. Ты себе не изменяешь! Как называется башня, на которой повешен колокол?

– Колоко́льня.

– Так, а как называется маленькая башенка, на которой повешен колокол?

– Колоко́ленка.

– Так, а если этих башенок много, тогда как?

– Колоко́ленки.

– Так почему у тебя, маринованная ты башка, Колоко́ленки превратились в Коло Колёнки? Потому-то мы и не будем пользоваться ни твоим GPS, ни твоими советами, а сделаем, как я сказал: пойдём в Колоко́ленки за пряниками на дракаре.

Мы весело заскочили в дракар, и операция «В Колоко́ленки за пряниками» началась.

Пока дул попутный ветер, наш дракар скользил по воде легко и быстро. Настроение у всех было великолепное. Я тоже мало-помалу успокоилась и постаралась подавить в себе раздражение.

Вдруг дождь полил, словно из ведра, а ведь мы преодолели только полпути. Мне сделалось холодно и жутко.

– Будь они неладны, эти пряники! – выругалась я.

– Ну, чего ты, Юль! Не ругайся! Всё нормально будет! – подбадривала меня Ольга.

Ветер, тем временем, усиливался, дракар, у которого ни шверта, ни кия, начал угрожающе раскачиваться, а ведь известно, чем чреват для катамарана слишком большой угол крена. Катамаран надувной, не утонет, но искупаться без подготовки – запросто!

Когда дракар начал задевать резиновыми поплавками дно, мы выпрыгнули прямо в воду и по команде Александра Петровича выволокли судно на берег. Струи дождя с бешеной силой хлестали по ногам, взметая с земли мелкую гальку и колючий песок. Пряники, конечно, мы купили, но и страха натерпелись неслабого! Дракар Петрович купил три десятка яиц. По заверению продавщицы, яйца были не с птицефабрики, а из-под экологически чистых колоко́ленских кур.

– Александр Петрович, а как Вы яйца хранить собираетесь? Ведь мы их за один день не съедим? – интересовались мы.

– Эх, ну что с вас взять, размори меня штиль! Я вам на обратном пути к лагерю лекцию прочитаю на тему: «Ценность яиц в морском походе, и как их хранить, чтобы не создать очередь в галльон».

Мы вернулись к судну, опустили его снова на воду, расселись. Грохотку яиц Дракар Петрович вручил Косте, который с нежностью и осторожностью держал предмет предстоящей лекции перед собой.

– Итак, – начал Дракар Петрович, – куриные яйца, особенно в условиях для человека непривычных, например, в походе – продукт невероятно ценный, так как содержит полный комплекс необходимых элементов. Теперь обратимся к практике и наглядным пособиям. Константин, раздай всем дидактический материал!

– А где он лежит?

– У тебя в руках, грот-брамсель тебе на гюйс.

– А ... – радостно воскликнул Костя, – всем по яйцу раздать?

– Гляжу, ты стал быстрее соображать. Так точно, раздать всем по яйцу!

На мою ладонь легло яйцо от колокобленской экологически чистой курицы. Оно и в самом деле было больше магазинного, к нему даже пух прилип в нескольких местах.

– Итак, что мы видим? Каково строение яйца? Какую оно имеет форму?

– Яйцевидную, – съязвил кто-то.

– Вот именно, «яйцевидную»! У нас есть острый конец, есть тупой, спутать их невозможно, так? Так. Значит, мнемоническое правило следующее: где острый конец – голова. Где тупой – ну, вы поняли. Яйцо, как любой живой организм, имеет суточный цикл: ночью оно спит, днем бодрствует. Поэтому, днем яйца в грохотке храним «головой» вверх, а на ночь отправляем спать, то есть, переворачиваем «головой вниз». Костя, ну-ка, продемонстрируй, как нужно укладывать яйца спать!

– Но ведь сейчас ещё день! – удивленно пробасил тот.

– Эх ты, перехвалил я тебя. Дело, разумеется, не в том, чтобы ночью тупым концом вверх, а днем – острым. Это просто правило, чтобы запомнить и не запутаться. Я вам на сей счет отдельную историю расскажу. А пока вернемся к нашим баранам, то есть яйцам. От чего портится яйцо? Правильно, от бактерий. А как они туда попадают? Очень просто, через высохшую скорлупу. И если скорлупу изнутри регулярно смачивать, яйцо не испортится, для этого мы его и переворачиваем. Не важно, как: хоть сбоку на бок. Но бока у яйца одинаковые, и различить их трудно, разве что по штампику птицефабрики...

– А поскольку у нас яйца не с птицефабрики, то мы будем ориентироваться на острый и тупой конец, – радостно выкрикнул Костя.

– Совершенно верно! Ты очень догадлив, мой друг. В таких условиях яйца могут храниться без холодильника несколько недель. Курсанты, сдать дидактический материал! А теперь для закрепления пройденного, так сказать, обещанная история. Два яхтсмана пошли в море. Холодильник у них был, но маленький, и, чтобы освободить в нём место для более «капризных» продуктов, яйцо было решено хранить просто в шкафчике, пользуясь выше описанным методом. И всё бы хорошо, но они не договорились, кто и когда будет переворачивать яйца. Утром, пока один занимал галльон, второй добросовестно переворачивал яйца. Первый, освободив галльон для второго, делал то же самое – переворачивал яйца. Скорлупа за такой короткий промежуток времени не успевала намокнуть как следует, и бактерии проникли внутрь. Ну, в общем, галльон им потом очень сильно понадобился, двоим сразу. Отсюда мораль: днем яйца бодрствуют, ночью – спят. Если вы решили их утром перевернуть, а они уже не спят, значит, их уже «разбудили» до вас. Соблюдайте это нехитрое правило, и галльон будет свободен всегда!

А мы меж тем подходили к лагерю, который порядком потрепало грозой. Палатки стояли в воде, а вещи вымокли. Только палатка Дракара Петровича оказалась в относительном порядке.

– Эх вы, походнички! – вторя удаляющемуся грому ворчал Дракар Петрович. – Ну что у Вас за колышки! Вы бы ещё зубочистками палатки закрепляли! Посмотрите, какие у меня колышки!

– Александр Петрович, у Вас не колышки: это больше на холодное оружие похоже, – пробормотал кто-то из наших.

О том, чтобы ночевать в палатках, не было и речи. Поляна, где разместился наш лагерь, хотя и находилась выше уровня озера, оказалась полностью затоплена.

Погода, тем временем, налаживалась. Выглянуло солнце. Ребята пошли фотографироваться на фоне радуги. У нас оставалось несколько часов, чтобы подготовиться к ночевке: хоть как-то просушить вещи и палатки, решить вопрос с разжиганием костра и пропитанием.

Ребята, оставшиеся сторожить лагерь (Дракар Петрович всё-таки отступил от принципа держаться всем вместе), рассказывали, что у них в буквальном смысле волосы вставали дыбом, но не от страха, а как от наэлектризованной расчески. А потом молния ударила в пляж совсем близко, и от звука грома их почти контузило!

– Ох, – снова разворчался Дракар Петрович, – контузило их, видите ли! Я, ребята, знаю, что такое контузия. Вы бы сейчас со мной не разговаривали, ежели действительно контузия! Так на перепонные барабанки надавило бы, что вы собственного крика не слышали бы.

– А куда молния ударила? – полюбопытствовал Костя и незаметно ретировался. А Дракар Петрович принялся за разведение огня.

– Будем всю ночь сидеть у костра. Ну, маринованные головешки, вспоминайте анекдоты и забавные истории. Сейчас понемногу обсохнете и согреетесь.

Не стану рассказывать, как трудно соорудить костёр в таких непростых условиях, скажу только, что не помогала даже бумага из дырокола – знаете, такое конфетти, по сути, мусор офисный. Саша его, видимо, со всех кабинетов несколько месяцев собирал. Такое конфетти, по выражению Дракара Петровича, должно вспыхнуть, как порох, оно и вспыхивало, но огонь не желал заниматься. И всё же нашими общими усилиями мелкие ветки, жадно облизываемые пламенем, весело затрещали.

Лишь когда огонь как следует разгорелся, Дракар Петрович заметил, что Костя ходит по берегу, низко опустив голову, и ковыряет песок каким-то прутиком.

– Константин, что ищешь? – окликнул он товарища.

– Фульгурит ищу.

– И дорого стоит?

– Ну, тысяч сто.

– Так, ты, Ольга, остаешься поддерживать огонь, остальные, идемте искать фульгурит: вещь дорогая, её никак нельзя здесь оставить.

Мы отправились на берег. Дракар Петрович поделил зоны поиска. Я тоже принимала участие в операции «Найти фульгурит» – ползала по песчаному берегу, ища, сама не зная, что. Я улучила момент, когда Костя был рядом, и спросила:

– Как он выглядит хоть, этот твой фульгурит?

– Ну, как большая морковка: и формой, и размером.

– А из чего сделан?

– Из стекла.

«Что за странный предмет?» – подумала я и продолжила поиски.

Где-то через пятнадцать минут Дракар Петрович подозвал Костю:

– Может, ты его в другом месте потерял?

– В смысле, потерял?

– Так, что мы тут все ищем, раз ты ничего не терял?

– Ну, фульгурит – это спёкшийся в стекло песок. Когда молния бьет в песок, она его расплавляет, и он превращается в стекло. Я вчера на канале Discovery смотрел – такая стекляшка сто тысяч стоит.

– Гром и молния, Костя, – еле сдерживая смех говорил Дракар Петрович, – я-то думал, это гаджет какой навороченный! Из этих, последних... Айфоны, смартфоны... сейчас чего только нет! Думал, и фульгурит есть. Отставить искать фульгурит!

– А, что, нашли? – радостно шлепая по мокрому песку спросил подбежавший Саша.

– Не нашли и не найдем, – Дракар Петрович со смехом рассказывал всем, на поиски чего они потратили двадцать минут. – И не найдем не потому, что плохо ищем, а потому, что это не кварцевый песок. Даже если молния в него и ударила, стекла получиться не может. Я знаю, я кузнец, у меня своя кузница, и мне иногда заказы достаются: плавить кварцевый песок – нужно жидкое стекло в художественную ковку залить, для эстетического эффекта. Так вот, этот песок – не кварцевый.

Вся компания, весело обсуждая фульгуритное приключение, отправилась к жаркому костру.

– Вы хоть что-нибудь нашли? – поинтересовалась заскучавшая на посту Ольга.

– Только это, – Костя протянул скрюченный железный прутик.

– Не фульгурит, конечно, но тоже неплохо! А ну-ка, я сейчас из этой железяки кочергу нам выкую!

Дракар Петрович взял прутик, молот ему заменял обух топора, наковальню – полено, и принялся «выковывать» кочергу. Естественно, то была нековка в прямом смысле слова, ведь железо не нагревалось докрасна. Просто Дракар Петрович ударами обуха топора придавал пруту форму.

На звуки импровизированной кузницы из леса выглянул мужчина. Он подошёл к Дракару Петровичу и попросил сигарет.

Дракар Петрович прервал работу, полез в карман и протянул курево. Мужчина взял сигарету, и, только Петрович продолжил работу, как последовала новая просьба:

– А огоньку, огоньку не найдется?

Хоть рядом горел костёр, и можно было бы без спросу вытащить головню и прикурить, мужчина осмелился снова отвлечь Дракара Петровича от работы. Тот, преодолевая нарастающее раздражение, благодушно протянул коробок спичек и вернулся к своей «кочерге». Однако мужчине вздумалось вернуть спички непременно в руки хозяину. Потом лесного пришельца потянуло на разговоры. О своём судне Дракар Петрович повествовал охотно: как ни крути, это его гордость. Но мужчина хотел не просто поговорить, что можно было бы делать, не отходя от наковальни – мужчина требовал безраздельного внимания:

– Скажите, а вот здесь, посмотрите, здесь две цепи между поплавками натянуты, они для чего?

В какой-то момент Петрович не выдержал:

– Слышь, мужик, у тебя ноги есть!?

– Есть.

– Ты ходить ими умеешь?

– Ну, умею!

– Вот и ходи отсюда!

Петрович звучал убедительно, то ли из-за своего командного голоса, то ли из-за топора в правой руке.

Кочерга получилась на славу. Когда мы снимались с лагеря, Дракар Петрович хотел её оставить с присказкой, «другие придут, сменив уют на риск и непомерный труд». Но Костя забрал кочергу с собой в Челябинск.

Когда стемнело и всё необходимое было сделано, у костра за чаем «с дымком» затеяли долгие разговоры. Первой скрипкой был Дракар Петрович, знавший кучу баек и анекдотов, и, что немаловажно, умевший красиво и к месту подать историю:

– Вы мне тут про контузию говорили, а я вам вот что расскажу. Служил я в армии, в танковых войсках. Зимой случились у нас учения. Кому учения, а кому веселье, возможность, так сказать, реализовать свой задавленный долгим сидением в казармах творческий потенциал. И вот, кому-то надоело стрелять холостыми зарядами. И что учудили? Кружка, такая же, как эта, – Петрович приподнял железную армейскую кружку, если не слышать его слов, можно было подумать, будто он произносит тост и призывает всех чокнуться, – её диаметр идеально подходит под диаметр танкового ствола: только ручку спилить. Так уж у нас устроено: гражданское производство в любой момент должно быть готово к милитаризации, чтобы вместо кружек производить снаряды, вместо котелков – каски... Вы вот вчера говорили, дескать, колышки от палатки похожи на холодное оружие. Так это тоже неслучайно: всё для того, чтобы любым подручным средством можно было бы врага бить. Кончатся патроны, не хватит на всех автоматов – выдадут колышки от палатки. В общем, бойцы одного танкового экипажа спилили с кружек ручки, стали засовывать их в ствол перед зарядкой «холостого», и давай палить ими! Понимаете, когда стреляешь «холостым», «бах» – и всё, ну, может, эхо от «бах» донесется. А тут «бах» – и свист, как в фильме про войну. Все всерьёз перепугались, командиры стали думать, будто по ошибке бойцам выдали не «холостые», а боевые. Пригибаться стали к земле, а то расхаживали, как на параде! А шутники палят налево-направо. Да только баловство с оружием хорошо никогда не заканчивается...

Тут рассказчик глубоко вздохнул и замолчал; никто не решался спросить, чем дело обернулось, я же почему-то связала этот его рассказ с упоминанием о том, что он не понаслышке знает что такое контузия.

Я нарушила повисшую тишину своей историей:

– Как-то в июле, лет десять назад, мы ходили в поход в горнозаводскую часть Челябинской области: я, Саша, мой брат Максим со своей женой и Реджик – мой пес-проводник породы лабрадор, но не чистый лабрадор, а метис: некоторые из вас с ним знакомы лично. Он тогда молодой, энергичный был, хотя он и сейчас бодрый. Тело у него уже на заслуженном отдыхе, а характер щенячий; ему в этом году двенадцать лет исполняется, а он до сих пор бегаёт за своим хвостом да белок в лесу гоняет. Сейчас он на даче остался, с Сашиними родителями. А раньше мы его с собой брали – где он только не побывал! Помню, когда мы его ещё только привезли, пошли на Второе озеро. У нас под Челябинском каскад озёр есть: эти озёра прямо так и называются – Первое, Второе, Третье и Четвёртое. Видимо, в нашем Озёрном Краю у географов фантазии не хватило на названия, и после три тысячи семьсот сорок пятого они начали их номеровать.

Пришли мы, значит, с Сашей на Второе озеро, Реджика купать. Переживаем, вдруг испугается, вырвется, утонет! Стали его аккуратно на поводке заводить в озеро. Поддерживаем его за брюхо, мало ли... А он шёл себе по дну, а потом взял да и поплыл. Не поплыл даже, понёсся, как торпеда, грудью водную гладь рассекает, распушенным хвостом под водой машет, стрекоз на полном ходу ловит, только челюсти клацают. Я сразу поняла, что наши тревоги были напрасны. Мы с Сашей расстелили на берегу покрывало, стали наблюдать за Реджиком да загорать. Когда пёс вышел на берег, чтобы отдохнуть, я попросила его дать лапу, немного раздвинула когти и воскликнула:

– Саш, глянь, у него между пальцев перепонки, как у лягушки! Он у нас прирожденный пловец!

Только одному я не могла научить его – отряхиваться от воды где-нибудь в сторонке, а не возле того места, где я лежу, хотя вообще он у нас пес культурный. Скажем, если все сидят вокруг расстеленного покрывала, ему тоже надо сесть и обязательно одну лапу на покрывало поставить.

Так вот, взяли мы его в поход. Разбили лагерь на берегу горной речки Юрюзанки. А горных рек наш пёс ещё не видел. Он как углядел воду, быстро в речку плюхнулся, а течение его подхватило и понесло. Он понять не может, в чём дело. Начал изо всех сил грести к нам, а течение его всё равно сносит. Но вскоре он понял, что лучше плыть не к нам, а к берегу и уже по берегу дойти до нас. Вылез Реджик из воды, трясется весь: то ли от холода, то ли от страха, то ли от перенапряжения. «Ну, всё, – думаю, – на сегодня Реджик накупался». А он отлежался, набрался сил и удумал кататься по реке. Отбежит от нас метров на пятьсот вверх по течению, плюхнется там в воду, река его к нам принесет, он тут и вылезет. И опять, по кругу. Мы сидим, отдыхаем, Реджик нас развлекает своим катанием. Мы не заметили, как на противоположный берег реки люди пришли. Парень с девушкой стали купаться, да не просто купаться, а нырять на время: кто дольше под водой продержится. Парень пострижен под «ёжик» а у девушки длинные, до середины спины, волосы. Скоро поймете, почему это важно. И вот, нырнули они под

воду оба, а у нашего пловца инстинкты спасательные сработали, он поплыл их из-под воды вытаскивать. Парень выныривает, а у его носа нос нашего Реджика. Реджик около него круги нарезает, пасть разевает. Саша закричал, стал звать пса к нам, я тоже подключилась. А Реджик нас не слышит, вернее, слышит, но безопасность людей для него важнее. Парень ничего понять не может. Тут выныривает девушка. Реджик бросил того, поняв, что помогать бесполезно. Подплыл к девушке, захватил в пасть её волосы и потянул к берегу. Девушка визжала, но деваться было некуда, пришлось следовать за своим спасителем. Он дотащил её до берега; к тому времени из воды вылез и парень. Реджик нюхнул обоих, проинспектировал, всё ли у них нормально, и с чувством выполненного долга переплыл на наш берег.

– Да, собаки на воде, особенно, морские собаки, «собакус мариниус», так сказать, бесконечная тема для разговоров, – подхватил моё повествование Саша. – Кстати, Александр Петрович, вот Вы нас называете «головушки маринованные». Так ведь «марина» по латыни – морской! То есть, мы головушки морские?

– Да, я именно это и имел в виду, – рассмеялся Александр Петрович, – теперь всех, кто хоть как-то связан с морем, только так и буду называть.

– Мне про морских собак вот что вспомнилось, – продолжил Саша, – летом этого года мы были на соревнованиях в Екатеринбурге. Пришли чуть раньше времени и, пока ждали старта, увидели такую картину: пара молодоженов решила отпраздновать свадьбу у воды. Заказали катание на яхте. Ну, их и катают на Рикошете-747; неспешно так, только на гроте. Фотограф там же, на яхте. Невеста платье красиво так по палубе разложила! Фотосессия у них. А по пирсу собака бегаёт, лает, переживает. Шкипер яхты – её хозяин – всегда брал её с собой, а тут не взял. Она то к одному, то к другому краю пирса подбежит, а её как будто не замечают. Собака лает, фотосессия идет. И вот, она уличила момент, разбежалась и прыгнула, совсем чуть-чуть не рассчитав до палубы, плюхнулась в воду рядом. Естественно, поднялся сноп брызг, самая большая порция которых досталась макияжу и платью невесты! Но это ещё не всё: пара уверенных гребков – и собака на палубе! Пробежалась мокрыми лапами по разложенному платью. Шкипер грот сбросил, собаку на руки поднял, обнимает её, целует, успокаивающе поглаживает, как будто извиняется. Фотограф всё это снимает. Такие свадебные фотографии мало у кого есть. После мы прошли жеребьевку, и нам достался тот самый свадебный Рикошет-747. Шкипер у нас был, правда, другой – Михаил Рублёв. Он нам такую историю рассказал: принимал их экипаж участие в соревнованиях по парусному спорту. А экипаж у них был знатный: шкипер – Рублёв, шкотовый матрос – Рублёв, баковый матрос – Рублёв. Яхта класса «Микро», экипаж три человека. Нет, Михаил не такой профессионал, чтобы сразу за три дела браться, просто в команде оказались его родственники. Естественно, удержаться от соблазна назвать этот экипаж «Три рубля» было трудно. Так вот, экипаж «Три рубля» проходит предстартовую процедуру. Свежий ветер, пасмурное небо, но ни капельки дождя. Яхты роятся перед стартовой линией, выбирают позицию повыгоднее, ждут сигнала судьи. Шкиперы и матросы конкурирующих яхт переругиваются... в общем, всё как положено на предстартовой процедуре: кроме одного – сигнал подают не рындой, как мы привыкли, а стартовым пистолетом. Время подошло, судья соревнований направил в небо пистолет и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел, и в ту же секунду ветер стих, паруса повисли, а ещё через мгновение хлынул сильнейший ливень. О соревнованиях пришлось забыть. А у зрителей и участников к судьбе один вопрос: «Зачем ты небо прострелил?»

За разговорами прошла ночь. Мы встретили рассвет, а уже к обеду разъехались по домам, с хорошим настроением и приятными воспоминаниями, а Костя – ещё и с кочергой ручной работы.

На вёслах по армянскому морю

В тот год Пасха выпала на первое мая. «Двойной праздник! – радовались мы, – День труда и Пасха! Даже немного символично!» «Труд из обезьяны сделал человека», – примерно так рассуждал великий философ Фридрих Энгельс, когда анализировал процесс эволюции представителей Homo sapiens. Пожалуй, это стоит отметить. Но не все согласны с теорией немецкого мыслителя, ибо есть высокоразвитые животные, сплочённые в группы со строгой иерархией и даже использующие примитивные подобию орудий труда, при том в человека так и не превратившиеся. Однако оставим научные диспуты и перенесемся в аэропорт Кольцово, где мы с Сашей и приятельницей Мариной уже несколько часов томились в душном терминале. Я давно мечтала посетить Армению.

Первое, что мы услышали, прибыв в аэропорт – звучный мужской голос, напевающий на армянском. Как на турецкий язык похоже. В припеве угадывалось вполне интернациональное: «Мама Армения!»

Воображение рисовало закавказские горы, знаменитый Севан, жаркое солнце и запах шашлыка. Убаюканная пением, я задремала. Вдруг совсем рядом очень знакомые голоса. Наши ребята-спортсмены что-то оживлённо обсуждают. Эх, ребята! Такое очарование развеяли! А ведь с этими людьми мне предстоит жить бок о бок без малого две недели, глубоко в горах, на берегу озера Севан. Вот уже несколько лет я хожу под парусом, а тут наши захотели себя ещё и в гребле на каяках попробовать. Я решила не отставать.

Первые мгновения в аэропорту Еревана сулили жару и закавказский загар. Всё необходимое для пляжных удовольствий при мне: крем, купальник, майки, шорты... До лагеря добрались поздним вечером. Дорога вилась по серпантину влево, вправо, влево и снова круто вправо. Чем дальше от Еревана, тем холоднее и дождливее. В самом лагере как-то уж совсем мокро и прохладно оказалось. В домиках уютно, правда, сыровато. На полу ковровин, из мебели – кровати, стол да обогреватели. Марина толкает меня в бок, тон её то ли вопрошающий, то ли угрожающий:

– А мы точно в купальниках здесь не замерзнем?

– Конечно, нет! – храбрюсь я. – Завтра жара будет, да и сейчас вроде не холодно.

Но уже через час натягиваю на себя всё, что сумела вытряхнуть из рюкзака: носки, шапку, куртку, чью-то кофту. Укутавшись, как капуста, ложусь спать. Нехорошо, конечно, одежду товарищей присваивать, зато тепло.

Озеро Севан очаровывает. Вода чистейшая, но очень холодная. Берег песчаный, а где-то в заводи нестройным хором голосят лягушки, им вторят чайки. Прочих звуков не слышно. Воздух словно звенит от эха, отражённого от скалистых стен. Вокруг высоченные горы со снежными шапками; запах душистого чабреца ласкает обоняние. Местные собирают чабрец со склонов и тут же заваривают с ним чай. Основа местной кухни – поджаренные на сливочном масле кусочки лаваша в коричневом рисе или булгуре, лимонный мохито с веточкой ароматной мяты и изобилие свежего козьего сыра.

В один из дней мы с ребятами пошли в Артаниш – село, расположенное в нескольких километрах от нашего лагеря. Видим часовню: надо зайти. Голые стены, ни одной иконы. Свечи никто не продаёт: они лежат аккуратной кучкой – бери, зажигай и ставь в ящик с песком. Подобное доводилось наблюдать в Иерусалиме, где свечи также ставят в песок. А в Германии свечи тоже никто не продает, и цена не установлена – плати, сколько считаешь нужным.

Идем дальше, мимо кладбищенских построек. Усыпальницы в виде маленьких домиков, словно небольшой безлюдный городок. Дальше – мимо магазина и школы. Местные ребяташки, перепрыгивая через коровьи лепешки, идут вместе с мычащим стадом – похоже, возвращаются домой с учёбы. В магазине продавщица-армянка смотрит какую-то русскую

«мыльную оперу», сочувственно вздыхая, печалась о судьбе главной героини. Здесь всё прямо как в наших селах.

Вдруг останавливается тонированная зеленая «шестерка» – обычный ВАЗ, судя по всему, очень древний. Машина грохочет, трещит и подпрыгивает. За рулём военный, пытаясь перервать рокот двигателя, выкрикнул из окна:

– Девушка, садись, пожалуйста!

Интересно, к кому он обращается, ведь нас трое: две девушки и мужчина. Зеленый тарантас продолжает грозно тарыхтеть рядом.

Мы упрямимся, не желая садиться в машину. Голос военного зазвучал более грозно и настойчиво:

– Ну, почему ты такой глупый, а?! Кому говорят, садись!

Нам совсем страшно стало, а мне ребята на ухо шепчут:

– У него автомат Калашникова на соседнем сиденье!

– Садись, – настойчиво приказывает голос из «шестёрки», – мне тебя ещё защищать надо!

– От кого, – спрашиваю, – защищать? – а сама шаг прибавляю на всякий случай. Мы всерьёз забеспокоились и уже кричим на военного в три горла:

– Мы тут рядом живем, пожалуйста, отстаньте от нас!

Мотор заглох.

– Здесь в пяти километрах война, и Вам небезопасно ходить пешком, ты панимаешь или нэт?

Потом он ещё долго читал нам нотацию о добре и о необходимости защищать слабых. Называл нас дикими, искренне удивлялся нашей недоверчивости и упрямству. Логика его была проста: он спрашивал, христиане ли мы, потом говорил, что христиане должны друг другу помогать, это, дескать, священная обязанность каждого – помочь своему брату по вере, а раз мы отказываемся от помощи, значит, мы отказываемся помочь ему выполнить свою святую обязанность, а поступать так – не по-христиански. Этот зеленый тарантас ещё не раз нам встречался. Военный обязательно останавливался и спрашивался о здоровье бабушки, мамы, папы и, смеясь, желал нам не болеть. Мы отвечали тем же.

За нами хвостиком бегал местный пес Эдо – шоколадный с подпалинами, клочковатый и очень веселый. По-русски он ни слова не понимал. Каждый его учил на свой лад. Наш французский друг Марк Офран приобщал пса к английской и французской языковой культуре. Наступит, бывало, на хвост мирно спящего Эдо и «О, sorry, пёс!» Другие же «извинялись» перед четвероногим за отдаленный хвост коротко, по-русски, нецензурно. Эдо всех прощал и всюду предано следовал за нами. Мы в горы – Эдо рядом бежит. Мы на кухню или в магазин – Эдо, само собой, тут как тут. У этого пса даже своя страничка в фейсбуке есть. До сих пор не знаю, кто её ведет.

Однажды со своим тренером Самвэлом Ростомьяном мы решили сходить на яхте вглубь Севана. Люди сбежались на берег – посмотреть, как мы эффектно под парусом будем отходить. Щёлкают фотоаппараты. Мы позируем, машем руками. Но вместо красивого выхода в Армянское море, Самвэл раздал нам щетки, тряпки и вёдра, а сам сел в единственный каяк и загреб к берегу, строго-настрога наказав дожидаться его и никуда не разбредаться. Никому бы в голову не пришло лезть в ледяную воду. До берега метров пятьсот, если не больше. Делать нечего. Мы с азартом принялись драить палубу и бортики. Хотелось поскорее отправиться под парусом: почувствовать мощное дыхание ветра и скорость. Но Самвэл готовился тщательно и никуда не торопился. публика, видимо, потеряв к нам интерес, рассосалась. Берег опустел. Только Эдо, растянувшись на солнышке, задремал в ожидании нашего отплытия. Но вот, с приготовлениями покончено. Самвэл вернулся, и мы, мягко скользя по водной глади, набирали скорость. Берег остался далеко позади. Ветер подгоняет наше судно. Идем правым галсом... Вдруг

ветер стих, и паруса безнадежно повисли, как тряпки. Самвэл досадливо крикнул и растянулся на бортике:

– Я чуть-чуть отдохну!

– Как? – вскричали мы. – Самвэл, а если ветер так и не появится? Нам тогда придется долго здесь торчать?

– Что значит «придется»? – говорит, зевая, Самвэл. – Скорее всего, так и будет. Значит, здесь заночуем, или вёдра раздам вместо вёсел – грести будете. Есть технология такая: закидываете ведро на веревке как можно дальше вперед и тянете. Понятно? Так и идете, – тренер отвернулся от нас и мирно засопел.

Через некоторое время выглянуло солнце, и туристы, не снимая шапок, полезли наверх, загорать. В ожидании ветра мы много смеялись, рассказывали разные курьёзные случаи из жизни моряков, а потом подул ветер, и мы, обрадованные, стали тормозить Самвела. Тренер без особой охоты поднялся и занял место за румпелем. Все обожают нашего спокойного, терпеливого, доброжелательного тренера. Он умеет шутить с серьёзным лицом, от чего его шутки делаются ещё смешнее. Однажды на озере разыгрался сильный шторм.

– Ну что, – спрашиваем мы, – Самвэл, можно сегодня на каяках потренироваться?

– Да, но только обязательно в гидрокостюмах, – ответил Самвел, отхлебнув из чашечки отвар душистого чабреца.

– А зачем гидрокостюм? Неужели мы можем перевернуться?

– Что значит «можете»? Обязательно перевернетесь. А какие Вы моряки, если в воду ещё ни разу не падали?

Мы приняли слова тренера за чистую монету и побежали в кладовую за гидрокостюмами. Нам достались забавные резиновые наряды. Я свой еле натянула и стала плоская, как вобла. Всем весело; щёлкают фотовспышки. Но перспектива вывалиться за борт так пугает, что я не обращаю внимания на смешки и медленно, старательно натягиваю резиновые штаны. А ребята ещё пуще хохочут и скандируют, как на митинге:

– Давай! Давай! Тяни, тяни! О-ле-о-ле-о-ле, Юля, вперед!

Тут кто-то сказал, что есть ещё гидроноски. Я к тренеру:

– Самвел, а гидроноски можно мне выдать тоже, пожалуйста?

Самвел отхлебнул отвара чабреца, отлучился куда-то, принес гидроноски. Потом подошла Марина:

– Самвел, говорят ты тут гидроноски раздаешь, можно мне тоже?

Самвел повторил действия в точности: отхлебнул отвар чабреца, отлучился не надолго, выдал пару гидроносков. Когда подошла Ольга одетая в гидрокостюм, она успела только рот открыть, Самвел предупредил её просьбу:

– Хватит, хватит, не надо мне про гидроноски, – и снова отхлебнул из чашечки отвара.

На воде волнение, но угрозы свалиться за борт, по-моему, не было. А всё равно жутковато. Нос каяка, поднимаясь на очередной гребень волны, сильно задирается, подбрасывая сидящих в нём людей. Мое рабочее место как раз приходилось на эту часть судна, и сердце трепыхалось, как у испуганного котенка. Подобные тренировки в лагере повторялись почти каждый день, в любую погоду.

На Севане часто гостят ледяной дождь с жарким закавказским солнцем. В один день мы покрывались ровным золотистым загаром и колючими мурашками. Наша с Сашей аптечка вскоре почти опустела: там остались только бинты и слабительные. Каждый день кто-нибудь да просил болеутоляющие таблетки и противовоспалительные средства.

– Ребята, только слабительные остались и больше ничего, – смеялась я, хотя ситуация была та ещё: в лагере многие температурили, а в аптечке никаких запасов. А что, если и нас с Сашей такая же участь постигнет? Лечиться нечем, да и не у кого. Доктора в лагере нет, а туристы-спортсмены сами в незавидном положении, в роли пациентов на кроватях валяются.

Простуду наши подхватили отнюдь не на весельных тренировках. В парусном парке лагеря находились одноместные яхточки. Такие крохотные, изящные швертботы – Лучи. С одноместными яхтами нам приходилось встречаться и раньше, но то были грубые, практически квадратные, с трапециевидным гафельным парусом «Оптимисты». «Луч» – совсем другое дело: аккуратный, обтекаемый, тонкий, как стрела, корпус, треугольный парус... Понятно было, что он создан для скорости. Мы, умиленные игрушечностью одноместного парусника, буквально выстраивались в очередь, чтобы выйти на нём в Армянское море.

Управлять «Лучом» – безусловно, нелегко, но даже сохранять его равновесие – уже целое искусство. Неустойчивый швертбот при малейшем крене или сильной волне выбрасывал неопытного спортсмена за борт, совершив оверкиль. Однако удирать спортсмену строго запрещается, так как существует правило – не покидать потерпевшее крушение судно. Крохотный парусник, нырнув мачтой в глубину холодного Севана, должен быть спасен, для чего необходимо подплыть к «Лучу», весом своего тела перевести его в горизонтальное положение, чтобы парус лежал на воде, потом залезть на него, ногой наступить на шверт и практически одновременно залезть в его крошечный кокпит. Даже тренировки проводятся, на которых «Луч» специально переворачивают и возвращают в вертикальное положение. Самые ловкие спортсмены, проделывая подобный трюк, даже умудряются оставаться сухими. Желающих испытать на себе

скоростные качества «Лучей» было много, не меньше оказалось искупавшихся не по своей воле. Простывших, соответственно, тоже хватало.

Ещё, помнится, как-то раз мы небольшой компанией отправились в закавказские горы. По всему склону зеленым ковром стелились душистые травы. Дурманил запахом чабрец, а под ногами путались верблюжьи колючки. Подъем мы, неопытные туристы, выбрали крутой. Взойтись тяжело, делали частые остановки на отдых. С нами верный друг Эдо. Саша с единственным рюкзаком на всю компанию впереди, за старшего. Восходили долго, утомились, конечно. Но вот она – вершина! Мы бросились на траву и вытянули уставшие ноги. Неподалёку разрушенная церковь – только груда камней осталась.

В Армении много церквей, храмов и часовенок. Армяне – народ глубоко верующий.

Один из наших спутников съел апельсин и корку кинул рядом, в траву.

– Зачем мусоришь? – возмутились мы!

– Это же не обёртка и не банка, а всего лишь апельсиновая кожура – материя натуральная, – отвечает он, – разложится и превратится в удобрение.

Но здесь, на лоне девственной природы, апельсиновая корка казалось нам чем-то чужеродным, недопустимым. Мы с Мариной настаивали на том, чтобы он убрал за собой мусор.

– Отстаньте и не просите. Говорю же, это натуральный материал.

Наш спутник вольготно разлегся, всем своим видом давая понять, что просьбы и уговоры бесполезны. Тогда Марина, крадучись, подняла корку и засунула спорщику в капюшон куртки. На том и успокоились.

В Ереване погода градусов на десять теплее, чем в горах. Мы почувствовали это, как только въехали в город. На улицах повсюду кафе, магазины – от супермаркетов до крохотных сувенирных лавчонок; множество разнокалиберных отелей, роскошные парки. В воздухе смешение всевозможных запахов. Особенно сильно в нос ударяет терпкий аромат кофе, сваренного прямо в горячем песке.

– Как дойти до магазина «Карас»? – спрашиваем местных жителей.

– О, это очень далеко, такси надо.

– А сколько примерно остановок?

Армянин задумался, поцокал языком и говорит:

– Вы всё равно не дойдете, такси надо.

Махнули на него рукой и пошли, доверившись навигатору и собственной интуиции. Мужик бежит за нами:

– Говорю, такси надо! Вы совсем глупые что ли?

Мы нырнули в пешеходный переход, мужик за нами. Мы поднялись наверх, и вот он, перед нами, искомый магазин! Мы к мужику с укором – а его и след простыл.

Иногда в нашем лагере отключался свет, а вместе с ним и вода. Это случалось, когда все разом включали в комнатах обогреватели. Тогда ребята обходили комнаты с просьбой не делать этого. Каждый думал, что никто не включит, а если включит только он, то электричество выдержит. И всё повторялось снова. Тогда хозяева включили свой собственный генератор. Такая вонь пошла! Бензином воняло невыносимо! Прямо под моим окном «дрынь, дрынь, дрынь»... У меня разболелась голова то ли от запаха, то ли от шума, и я взмолилась, чтобы его заглушили. Генератор отключили только к полуночи. Заботливые хозяева разнесли по комнатам толстенные свечи. Когда постучали в мою дверь, я только-только заснула.

– Кто там? Что нужно?

– Мы тебе свечи принесли.

– Спасибо, не надо!

– А что надо? – не унимался заботливый голос.

– Спа-а-а-а-ть надо, – не выдержала я, – ребята, оставьте, пожалуйста, нас в покое!

До утра и так мало времени осталось!

Подолгу засиживаясь с друзьями, я поздно ложилась спать, а утро, как правило, бодрило пронизывающим холодом. Едва проснувшись, я тянулась за верхней одеждой и трясущимися от озноба руками закутывалась до ушей. Эх, сейчас бы горячего чаю! Но завтрак строго по расписанию, а в домиках подобного добра не водилось. Насколько же я изумлялась, когда под окнами шумной гурьбой проходили наши, следуя к озеру для утреннего купания! Температура воды в Севане плюс четыре, а снаружи дождь, порой даже со снегом. Не купались только простуженные и такие, как я, однако, едва поправившись, ребята присоединялись к «моржам».

В прощальный вечер организаторы наших сборов устроили настоящий праздник с концертом. К нам присоединились военные, были показательные выступления айкидо. Среди военных приехал и Арег Назарян – основатель группы «Востан Айоц», бас гитарист и автор большинства её песен, в том числе рок-оперы «Артавазд и Клеопатра», мастер парусного спорта. Арег рассказал, как они с Самвелом участвовали в парусных соревнованиях и ещё о визите в Армению Андрея Макаревича, дававшего здесь благотворительные концерты и привлекавшего общественность к проблеме спасения «Киликии». «Киликия» – это парусник, который строился с 1991 по 2001 год, а в 2005 совершил путешествие вокруг Европы, является точной копией киликийского торгового судна XIII века. Сейчас «Киликия» является главным экспонатом Морского музея Армении расположенного в ста метрах от нашего лагеря.

Потом мы жарили шашлыки, играли на гитарах и много пели: по большей части песни из репертуара исполнителя и композитора Виктора Цоя. Особенно всем понравилась песня «Звезда по имени Солнце». Её исполняли на «бис». В нескольких метрах Севан, в нескольких десятках километров идет война. И эта песня отражала общее настроение вызванное близостью боевых действий, как раз в тот день был минометный обстрел с обеих сторон. К торжественности вечера неизбежно примешивалась тревога. Волей неволей тянуло на размышления о войне и мире, о судьбах человечества, сталкивая мысль в морально-этическую и социальную идеологию Льва Николаевича Толстого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.